

Иванов Андрей Александрович, доктор исторических наук, доцент, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.
Тел.: +7 911 710-06-68
e-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Ivanov Andrey Aleksandrovich – doctor of History, associate professor at the Saint Petersburg State University.
Tel.: +7 911 710-06-68
e-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Котов Александр Эдуардович, доктор исторических наук, доцент, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.
Тел.: +7 911 947-56-02
e-mail: a.kotov@spbu.ru

Kotov Aleksandr Eduardovich – doctor of History, associate professor at the Saint Petersburg State University.
Tel.: +7 911 710-06-68
e-mail: a.kotov@spbu.ru

УДК 94(47).083

Иванов А.А., Котов А.Э.

Русские консерваторы и переселенческая политика правительства (конец XIX – начало XX вв.)*

Аннотация: В статье рассматриваются и анализируются взгляды русского консервативного лагеря конца XIX – начала XX вв. на переселенческую политику в Российской империи. Опираясь на материалы периодической печати, публицистику эпохи, программные документы правых партий и стенографические отчеты Государственной думы, авторы вносят ряд уточнений в имеющиеся представления об отношении правых к деятельности правительства в деле переселения «излишков» крестьянского населения из европейских губерний империи на ее окраины – Сибирь, Дальний Восток, Кавказ, Центральную Азию. Авторы приходят к выводу, что для правых публицистов и политиков освоение, русификация и колонизация окраин империи была в рассматриваемый период одной из важнейших тем. Рассчитывая ослабить остроту аграрного вопроса за счет переселенческой политики, консервативные круги указывали не только на экономические последствия этой меры, но и на важность переселенческого дела для русификации окраин, дальнейшего закрепления их за Россией и создания на них оплота для защиты от возможных иностранных посягательств. Поддерживая в этом вопросе правительственную политику в целом, консервативный лагерь вместе с тем указывал и на многие ее недостатки.

---

* Статья выполнена при поддержке Российского Научного Фонда. Проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917)»; This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18-18-00142 “The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)”.

Ключевые слова: Русские консерваторы, правые партии, консерватизм, национализм, переселенческая политика, Российская империя, национальные окраины, аграрный вопрос.

Abstract: The article considers and analyzes the views of the Russian conservatives of the late XIX – early XX centuries on the resettlement policy in the Russian Empire. Based on the materials of the periodical press, the journalism of the era, the program documents of the right parties and the stenographic reports of the State Duma, the authors make a number of clarifications on the existing notions of the right-wing attitude toward the government's activity in relocating the “surplus” peasant population from the European regions of the empire to its outskirts – Siberia, The Far East, the Caucasus, Central Asia. The authors come to the conclusion that for right-wing publicists and politicians, one of the most important topics in the period under consideration was the development, russification and colonization of the outskirts of the empire. In expecting to settle down the agrarian question through the resettlement policy, the conservatives indicated not only the economic consequences of this measure, but also the importance of the resettlement business for russification of the outlying areas, their further consolidation over Russia and the establishment of a stronghold on them to protect against possible foreign encroachments. Supporting the government policy in this matter in general, the conservatives also pointed to many of its shortcomings.

Key-words: Russian conservatives, right-wing parties, conservatism, nationalism, immigration policy, Russian empire, national suburbs, agrarian question.

Переселенческая политика российского правительства во второй половине XIX столетия традиционно характеризуется исследователями как «непоследовательная и противоречивая»¹. Тем не менее, для консервативной печати тема освоения, русификации и колонизации окраин Империи была одной из важнейших. Не выходя до определенного момента на первый план, во второй половине XIX в. она постоянно звучала на страницах изданий «русского направления» – тем более, что многие русские консерваторы и националисты сами были выходцами с имперских (по преимуществу западных) окраин. Региональные издания «русского направления» («Киевлянин», «Варшавский дневник», «Виленский вестник») во второй половине XIX в. регулярно писали о переселении «русского элемента» в Привислинский, Юго-Западный и Северо-Западный края.

Речь, разумеется, прежде всего шла об интеллигенции – чиновниках, учителях и пр. Русификация населенных белорусами и малороссами территорий с помощью великорусских крестьян противоречила главному тезису русских националистов, считавших Украину и Белоруссию освобожденными от панского гнета исконно-русскими землями. Впрочем, иногда подобные предложения звучали. Так, в 1867 г. газета «Виленский вестник» предлагала выводить великорусские крестьянские колонии под Вильно и даже напечатала письмо некоего старосты Капитона, уговаривавшего односельчан «переселиться в край, поближе к речке»². В ответ полемизировавшая с «Виленским вестником» петербургская «Весть» не без оснований задавалась вопросом, улучшится ли положение Капитона после переселения, и сама же на него отвечала: «Никто Капитона не

поддержит и всякий его надует. В жизни частной не найдет Капитон ничего, к чему привык с малых лет; другие понятия, нравы и обычаи встретит он, все чужое, все незнакомое, соскучит Капитон по родной сторонухе и всякое дело из рук у него вывалится»³.

В 1890-е годы в фокусе внимания как правительства, так и общества, по понятным причинам (аграрное перенаселение в центре и развитие железнодорожной сети) оказываются окраины восточные – где для крестьянской колонизации открывались значительно более широкие перспективы. Им, в частности, был посвящен цикл публикаций омского корреспондента «Русского вестника» Т.И. Тихонова, констатировавшего в 1896 г.: «Окончание постройки Западно-Сибирского участка отразилось весьма заметным образом между прочим и на переселенческом движении, которое в нынешнем году достигло весьма значительных размеров, несравненно более, чем в прошлые годы, опровергнув таким образом все расчеты и предположения местных сибирских властей по этому предмету. Тюмень уже потеряла свое значение громадного переселенческого центра. Эта роль в нынешнем году выпала г.г. Челябинск, Петропавловск и Омск»⁴. Отмечая, что русская колонизация затрагивает и степные области, автор указывал: «Близкое и дружелюбное соседство кочевников и крестьян-переселенцев мало-помалу приучает первых к земледелию, так что уже наблюдаются попытки со стороны кочевников к самостоятельному ведению земледельческого хозяйства. В добрый час!..»⁵.

Однако Тихонов указывал и на серьезные проблемы, с которыми сталкивалась русская колонизация. Так, степное положение 1891 г. сократило численность руководивших процессом переселения уездных начальников, а также уездные и областные правления. Не справлялась с этим делом и отвечавшая за него местная полиция. Публицист предлагал изъять переселенческое дело из ведения полиции, создав специальные учреждения, аналогичные мировым посредникам, а также расширить заселяемые территории⁶. Роль государства в колонизации Сибири представлялась Тихонову решающей, но категорически недостаточной: «Голых бедняков, беспомощных тружеников, является на окраины значительное подавляющее большинство, как показывают нам отчеты гг. переселенческих чиновников, командированных министерством внутренних дел в разные пункты Сибири <...> Такие незначительные ссуды-подачки <...> мало помогают делу скоро устройства прочного хозяйства новоселами»⁷.

Впрочем, аналогичную ситуацию констатировали «Московские ведомости» и в Средней Азии: «Кое-как добравшись до Самарканда, переселенцы сразу разочаровываются. Поблизости все места, годные для поселения, давным-давно заняты, а если и имеются участки, то такие, что их первоначально следует подготовить для посевов – повести воду, что для переселенцев представляется делом совершенно новым; притом и климатические условия сильно дают себя чувствовать пришельцам; все это в совокупности делает то, что переселенцы, добравшись на последние гроши в Самарканд, отказываются идти на намеченные места и превращаются в

нищих <...> Единственное желание таких переселенцев – вернуться в Россию и сесть на прежнее место»⁸.

То же самое наблюдал С.Ф. Шарапов на Кавказе: «Повсюду видим мы совершенно одинаковое явление. Правительство, верно понимая государственные задачи, заботится о заселении таких-то и таких мест русским элементом. Нарезаются участки, пишутся правила, являются переселенцы. И что же? Русский человек, умница, сметливый, великолепный, исторически прославившийся колонизатор, не затерявшийся ни на Новой земле, ни под экватором, вдруг пасует, болеет, чахнет и уступает свое место расам, неизмеримо его низшим в культурном отношении. Чем это объяснить?»⁹.

Для редактора «Русского труда» это стало поводом как поразмышлять о соотношении в переселенческой политике общественного и государственного факторов, так и поддержать интересы определенной корпорации. Наиболее эффективная колонизация шла, по мнению Шарапова, из Ростова Великого: «Ростовец – тип умнейшего и талантливейшего русского промышленника. Он довел свои огороды до совершенства, размножился, дома ему тесно, он готов на всякое дело, и может в минуту овладеть всяким делом, ибо у него есть *школа*, есть *рассада практических занятий*. Зимой собираются на свои старые гнезда погостить со всех мест России разбросанные ростовцы, здесь обдумываются всякие дела, здесь рассортировывается местная подростя, пристраиваясь к живущим на стороне родным, кто в Ташкент, кто в Одессу, кто в Кронштадт. Люди делают тысячи разнообразнейших дел – и все неуклонно богатеют, потому что ведут дело смело, широко и культурно. Любому ростовцу ничего не стоит изучить совершенно новую местность и в ней укрепиться: он с детства огородник и хозяин, он умеет расспросить, выслушать, сообразить. Главное, самое в нем дорогое – это его постоянная живая связь с его центром – Ростовом и земляками. Нужно что-нибудь – остановки нет ни за чем. Свистнуть, и десяток нужных людей приедут с первым поездом или пароходом. Это совсем не то, что забитый нуждою орловский, курский или воронежский поселенец, не знающий ничего, кроме экстенсивного земледелия, и все свои таланты сосредотачивающий в “хребте” <...> На Кавказе этого мало, с одним хребтом ничего не поделаешь»¹⁰.

Однако, понимая, что на весь Кавказ выходцев из Ростова не хватит, Шарапов предложил правительству программу своеобразного посредничества, целью которого было «поручение живого дела не бумажному, а живому человеку, лично заинтересованному в успехе дела»: «доверенное лицо от министерства земледелия едет в Ростов и просит хотя бы Угодичское общество рекомендовать молодого сметливого огородника или двух на службу в казну <...> Прежде всего ростовцы командируются на правительственную станцию, где под руководством заведующего быстро изучают все необходимые культуры <...> Затем они командируются для осмотра годных под поселения земель на побережье и, возвратясь, дают обстоятельный отчет станции... И вот на основании этого отчета *им же* и никому другому поручается ехать внутрь России и пригласить русских

поселенцев из местностей *по их усмотрению*. Они выберут людей, действительно желающих и способных»¹¹.

Принципиальным аспектом переселенческой политики стал вопрос о распространении в Сибири крупного землевладения – против чего в 1894 г. выступило «плебейское» «Новое время», по мнению своих оппонентов видевшее Сибирь «чисто крестьянским» регионом. «Московские ведомости», наоборот, видели в этом проблему. Специфика местного населения (казаки, инородцы, промысловые рабочие, крестьяне) не создавала, по мнению консервативной газеты, предпосылок для «дела управления сельского населения». Отсюда – «неизбежность чисто бюрократической системы местного суда и управления» и связанных с ней зол. Публицист «Московских ведомостей» напоминал, что «основное историческое начало нашей областной администрации и суда заключается в привлечении к отправлению их, на правах государственной повинности, особого сословия, имеющего для этого необходимые навыки, образование и соответственное почетное и влиятельное положение в бытовой жизни». А так как Сибири «в недалеком будущем несомненно суждено увеличить собой метрополию многими и многими обширными областями с коренным русским и православным населением» – ее особенности сгладятся и на смену «односторонней государственной колонизации» придут «более или менее тесно сплоченные и организованные общественные союзы, группы, сословия». Поскольку же русское дворянство сформировано «под могучим воздействием государственной власти», то и в Сибири власть должна ему содействовать – распространяя в регионе крупное землевладение¹².

Развивая этот сюжет три недели спустя, газета напоминала: «Вся наша Новороссия, некоторые окраинные юго-восточные губернии, почти весь бассейн Волги, за исключением северных его частей, были колонизированы отнюдь не одним крестьянским сословием, а и крестьянством, и поместным дворянством, шедшими в этом деле рука об руку и делившими между собой все труды и лишения этого нашего родного пионерства <...> Традиции, конечно всецело за колонизацию Сибири не одним лишь сословием, а обоими <...> Необходимо и образование сибирского дворянства не из одной среды местного чиновничества, но главным образом из потомков старинных, успевших доказать свою зрелость и способность дворянских родов старых областей Империи. Они перенесут с собой в Сибирь то, что не делается по заказу, что бессильны создать самые разумные законы и распоряжения, что собирается веками, что назревает в сердцах и душах, сменяющих одно другим поколений – традиции, “веру и верность”, административные навыки и здравые политические инстинкты»¹³.

Шараповский «Русский труд», наоборот, видел на востоке империи лишенную сословного «средостения» народную Русь. Медик и публицист К.К. Толстой, публиковавшийся также в «Новом времени» и – ранее – в аксаковской «Руси», в цикле «Великорус в центре Азии» характеризовал население Алтая как «исконную и исключительно великорусскую колонию, притом населившуюся и устроившуюся почти самостоятельно, разумом и

силами простых, серых, русских людей, заносимых в сердце Азии самыми разнообразными причинами»: «Многое меня на Алтае поразило, многое порадовало, много огорчило, но больше всего я удивлялся тому, что нигде не встречаю “Сибири”, “Азии”, а всюду вижу только одну среднюю Россию, почти такую же, какую я ее помню лет сорок-пятьдесят тому назад. Тот же климат, та же растительность, почти те же пейзажи, а главное – повсюду точь-в-точь такой же сплошной великорус, прекрасного подмосковного типа, с чистейшей великорусской речью, придерживающийся все тех же, давно мне знакомых, обычаев и образа жизни. По чистоте народонаселения Алтай представляет собою даже, пожалуй, большее сходство с Россией Ивана Грозного, чем современной <...> Но не одною только чистотою населения Алтай напоминает древнюю Русь. Он напоминает ее также простором, привольем жизни, первобытностью последней и полным отсутствием современной культуры»¹⁴.

Однако эта своеобразная славянофильская утопия имела крайне ограниченный потенциал: «Превратив Алтай в Тульскую губернию времен Ивана Грозного <...>, серый русский человек на том и остановился <...> Он отвоевал себе страну, построил избы и деревни, учредил общины, обработал, сколько ему нужно было земли <...> ловит рыбу, охотится, топит плохое масло из хорошей сметаны, торгует по малости, не выезжая из деревни – он, одним словом, заложил прочный фундамент будущей культуры страны и жизни, но самая эта культура не пошла в его руках дальше той точки, до которой доходила, вероятно, на его родине в XV столетии <...> Серый русский мужик сделал все, что от него зависело, все на что требует труд, характер, стойкость, энергия. Но он не мог сделать того, на что требуется знание, которым он сам не обладает»¹⁵. Бессословная «демократия» закономерно требовала вмешательства правительства, на которое автор возлагал ответственность на все аспекты развития региона – вплоть до развития там туризма: «Местные жители сами ничего устроить не сумеют, приедем чиновникам – не для того, у них своего, специального дела много <...> Остается, стало быть, рассчитывать только на главного, если не единственного инициатора всяких нововведений в нашем отечестве – на правительство»¹⁶.

В восприятии консервативных публицистов переселенческий вопрос был тесно связан с проблемой «инородческого засилья». Новым толчком к обсуждению этой темы стала опубликованная «Новым временем» 4 января 1896 г. записка генерала А.И. Косича, в которой утверждалось, что немецкая колонизация Юго-Западного края поддерживается германским правительством. С этого момента необходимость противостояния немецкой колонизации западных окраин России стала постоянной темой консервативной публицистики 1890-х гг. Так, на страницах «Русского труда» (где позже появится целая рубрика «Хроника иностранного нашествия», освещавшая процесс проникновения в страну иностранного капитала) в 1897 г. появилась статья А.П. Липранди «Фатерланд в России», в которой утверждалось, что «экономические интересы наши требуют прекращения

дальнейшего нашествия на русскую землю иноплеменных, интересы же политические, государственные требуют, чтобы переселившиеся на нашу почву два с лишком миллиона немцев были русскими, а не германскими гражданами, каковыми пребывают до сего времени. Они должны обязательно сблизиться духовно с приютившею их Россией и если не исчезнуть окончательно в русском море (как славянские племена, настигнутые Пруссией, исчезли в немецком море), то, во всяком случае, навсегда отбросить свои, столько же вздорные, сколько и зазорные тенденции и стать в ряды русского рабочего люда». Пока же этого не произошло, «русские зря бегут в отдаленную Сибирь, терпя всякие лишения и невзгоды, а старинные русские земли, еще недавно считавшиеся неотъемлемым достоянием русского народа, достаются мирному завоеванию германских пришельцев!»¹⁷.

В том же году Д.И. Иловайский сочувственно цитировал в своем «Кремле» передовую статью из «толковой» газеты А.П. Пятковского «Гласность»: «В прошлом году из юго-западных губерний переселилось в южно-уссурийский край 300 крестьян, а в нынешнем туда же переселяется уже 1200 <...> Чего бы, кажется, переселяться из такой благодатной сторонки, как волынская, подольская или киевская губерния?.. Крестьяне наши и в особенности хохлы очень неохотно идут на переселения; даже обжившись и хорошо устроившись на новых местах, хранят живое и теплое воспоминание о родных местах. И многих слез, и колебаний, и больших материальных потерь стоит всякое переселение. Это своего рода драма в крестьянском быту. Но что же гонит крестьянина переселяться? <...> На юго-западе гонит переселяться теснота, а тесноту сделал немец. Все мало-мальски удобные продававшиеся земли раскуплены немцами и по таким ценам, коих немислимо ожидать от хлеборода-хохла. Немцы, занявшие наш юго-запад, преимущественно уезды, граничащие с Пруссией и Австрией, имеют свои бюро в Берлине; из бюро им выдаются крупные суммы в ссуду или вроде субсидии – неизвестно. Но только чуть где продается хорошая земля, преимущественно стратегический пункт около перевозов через реку, немцы выкупят его во что бы то ни стало...» Подводя итог размышлениям Пятковского, редактор и единственный автор «Кремля» восклицал: «Итак, немцы в собственных наших пределах, теснят русских из Европы в Азию; а некоторые мнимые консерваторы заодно с радикалами толкуют об избытке у нас национализма!»¹⁸.

Увязывал немецкий вопрос с переселенческим и омский корреспондент «Русского вестника» Т.И. Тихонов – считая появление в Сибири немецких колонистов с Поволжья и Волыни «новым в переселенческом вопросе явлением» и скорее радуясь последнему. Опираясь на данные о росте «поземельной собственности иностранных или немецких поселенцев», публицист говорил о политическом характере немецкой иммиграции в наши западные окраины и преимущественно на Волынь <...> Немецкая колонизация мало-помалу обратилась в систему как бы мирного завоевания наших земель на Западной окраине»¹⁹.

На западных окраинах немецкие колонисты играли, по мнению Тихонова, исключительно отрицательную роль: «Отношение колонистов к местному крестьянскому населению вполне отчужденное. Русского языка колонисты не знают и не хотят знать и изучать его <...> Собственное немецкое образование у колонистов поставлено очень высоко»²⁰. Низко оценивал публицист и вклад немцев в развитие местного сельского хозяйства: «О какой-либо рациональной системе ведения хозяйства немецкими колонистами не может быть и речи, так как по-видимому все цели этих переселенцев направлены к возможно широкой эксплуатации местного населения и страны, приютившей их. Истощив одни земельные участки, они переходят на другие, применяя ту же немецкую культуру, которая сводится к тому, чтобы разорив чужую страну и ее жителей, обогатить только себя»²¹. В силу этого обстоятельства автор «Русского вестника» – будто и не было предыдущих тридцати лет – призывал к русификации землевладения, которая одна только могла привести «к возможно полному упрочению нашего положения именно на Западе, в западной полосе России»²².

Новым у Тихонова было предложение «видоизменения и расширения нашей колонизационной политики»: при содействии Крестьянского банка переселять крестьян из центральной России на западные окраины, а немцев отправлять «на Восток, в Сибирь, в киргизские степи»²³. Публицист был уверен в том, что подобная стратегия не угрожает перспективе заселения Сибири: «У нас так много безземельных и малоземельных, безлошадных и бесхозяйных крестьян, что их хватит, даже при условии широкой колонизационной политики, для всех наших окраин как в Азиатской, так и в Европейской России, в том числе и для Западного края, на долгое время»²⁴.

Наибольшую остроту обсуждение консервативным лагерем переселенческой политики правительства и связанных с ней проблем приобрело в начале XX в. – что также было обусловлено правительственной политикой²⁵. Кроме того, по справедливому замечанию Р.Б. Ромова, «события первой русской революции ясно дали понять правым, что центральный вопрос, от которого зависят и государственная стабильность, и социально-экономическое развитие России, – это вопрос земельный»²⁶. Как отмечают историки правого движения Ю.И. Кирьянов, С.А. Степанов, А.В. Репников, И.В. Омелянчук²⁷, лидеры черносотенных партий и союзов, уделяя в своих программных документах, публицистике и воззваниях особое место экономическим интересам российского государства и русского народа, в большинстве своем выступали в поддержку переселенческой политики и ратовали за ее расширение и улучшение. Если в отношении части столыпинской аграрной реформы, касающейся выхода крестьян из общины, единства в консервативном лагере не было, то придание нового импульса переселенческому делу воспринималось правыми с одобрением. Показательно, что именно члены фракции правых оказывались в III Государственной думе главными защитниками смет Переселенческого управления, выступая за расширение его прерогатив²⁸. Полемика, как

правило, велась лишь о частных аспектах этого переселения, так как иной альтернативы решению проблемы крестьянского малоземелья в европейской части империи консервативными кругами найдено не было.

Проблемы переселенческой политики нашли отражение в ряде программных документов русских правых. В обращении Главного совета Союза русского народа (СРН) накануне выборов в I Государственную думу, одним из программных пунктов значилось: «За крестьян земледельцев <...>, за государственное содействие переселению»²⁹. «Увеличение крестьянского землевладения путем рациональной организации переселенческого дела», – такая задача ставилась перед властью руководителем Русской монархической партии и редактором «Московских ведомостей» В.А. Грингмутом³⁰. Грингмут, как и многие другие монархисты, был убежден, что «излишек русского населения, не находящий себе места в центральных губерниях», должен осваивать восток страны, но для этого власть должна грамотно организовать крестьянское переселение на новые места³¹. Видя в переселении логичный и законный массовый способ решения аграрной проблемы, Грингмут заключал, что пока на земном шаре будут существовать малозаселенные места, «этот способ решения “аграрного вопроса” будет самым простым и естественным». А поскольку Россия, в отличие от западноевропейских стран, вынужденных «выплескивать» излишки населения в колонии, в силу огромных территорий, позволяет разместить фактически любой естественный прирост своего населения внутри страны, этим путем и следует идти, как наиболее логичным, оправданным географией и историей, и законным³². На это же указывал и лидер СРН Н.Е. Марков, заявлявший с думской кафедры: «...Переселение есть лучшее, вернейшее, наиболее правильное, наиболее экономически верное решение нашего теперешнего бедствия, именуемого малоземельем», подчеркивая, что «бедность русского народа надо лечить переселением и поднятием земельной культуры»³³.

Основным местом переселения избытков крестьянского населения большинству русских правых (как, впрочем, и правительству) виделись бескрайние просторы Сибири. Видный консервативный публицист и политик Н.Д. Облеухов (псевдоним П. Ухтубужский), являвшийся заместителем лидера Русского народного союза им. Михаила Архангела В.М. Пуришкевича, раскрывал свою и партийную позицию в брошюре «Русский народ в Азии», первая часть которой – «Переселение в Сибирь» была посвящена рассматриваемой проблеме. Начав с очерка о «бесценном и неизмеримом богатстве» Сибири, публицист указывал на крайне низкую плотность населения края и сетовал, что русское переселение на протяжении ряда лет происходит лишь в местности, прилегающей к Транссибирской железнодорожной магистрали³⁴. В связи с этим Облеухов предлагал помимо железнодорожного строительства обратить внимание на развитие речного судоходного сообщения с Сибирью, которое, во-первых, дешевле железнодорожного, а, во-вторых, позволяет не только улучшить

транспортную ситуацию в регионе, но и более эффективно торговать дешевым сибирским хлебом³⁵.

Помимо решения проблемы крестьянского малоземелья в европейской части России, консервативных публицистов волновал и еще один немаловажный аспект – возможность утраты этого слабозаселенного края. «Монархическая партия считает долгом первостепенной важности, – отмечал Грингмут, – <...> возобновление правительственной заботы о правильной организации переселенческого дела, имеющего серьезное государственное значение, как в смысле облегчения центральных губерний, так и в смысле прикрепления к России дальних окраин посредством заселения их русским народом»³⁶. «...Наши сибирские владения плохо закреплены за нами, – писал Облеухов. – ...Нам уже угрожает опасность лишиться этих земельных богатств. Японцы и китайцы спешно вооружаются, и нет никакого сомнения, что в недалеком будущем эти желтые народы сделают нападение на нас и попытаются отнять восток Сибири»³⁷. Отмечая далее, что мирная экспансия Сибири китайцами и японцами уже началась, Облеухов писал: «А что мы можем противопоставить этому нашествию монголов? Население редко, по три-четыре человека на 10 квадратных верст. Нет ни русских земледельцев, ни рабочих, ни купцов, ни промышленников. Поневоле приходится уступать пользование местными богатствами желтым»³⁸.

Таким образом, заключал правый публицист, русские переселенцы, выбирая своим новым местом жительства Сибирь, приносят пользу не только себе и своим семьям, но и всему русскому государству, закрепляя своим присутствием регион за Россией. «Трудно себе даже представить то, чем будет Сибирь через 20–30–50 лет, – оптимистично заключал Н.Д. Облеухов. – Это будет величайшее и богатое царство, перед которым, может быть, потускнеет торгово-промышленная слава Соединенных Штатов и Англии. Царство это должно быть русским. Богатства Сибири должны остаться в русских руках. Для этого-то и идут ежегодно в Сибирь десятки и сотни тысяч русских людей, занимающие девственные пространства земли и обрабатывая их в обработанная поля»³⁹. И в этом плане взгляд правых полностью совпадал с позицией П.А. Столыпина, отмечавшего в 1908 г., что дело государственной обороны, затрагивает не только Морское и Военное министерства, но и переселенческое ведомство «так как должен быть создан на Дальнем Востоке оплот из живых людей»⁴⁰.

Рассуждая о необходимости переселения крестьян из европейских губерний России, консервативные публицисты указывали не только на Сибирь. Д.И. Иловайский, например, считал целесообразным перенаправить основной поток крестьян-переселенцев не в «неприветливую Сибирь», чьи земли предлагалось оставить для будущих поколений, а прежде всего в «благодатные земли Кавказа»⁴¹. В.А. Грингмут указывал, что заселяя русскими крестьянами Сибирь, не следует забывать про Среднюю Азию, Кавказ, «а также [про] те южные и юго-восточные губернии России, которые, к великому для нее ущербу, находятся в руках армян, немцев и евреев», так

как помимо экономической целесообразности переселенческая политика должна преследовать и политические цели⁴².

Вопрос о необходимости усиления русской колонизации Кавказа и Закавказья активно поднимался в русском консервативном лагере с конца XIX в.⁴³ В начале XX в. в этом отношении мало что изменилось. В ходе обсуждения переселенческой политики в III Государственной думе депутат-крестьянин от русского населения Закавказья Ф.Ф. Тимошкин, являвшийся членом Главного совета СРН, неоднократно указывал на значение этого края для переселенческого дела. Тимошкин утверждал, что орошение «пространств в Муганской и Ширванской кавказских степях», а также осушение низменностей Черноморского и Каспийского побережья, дадут государству «громадную территорию и облегчат таким образом решение переселенческого и самого земельного вопроса»⁴⁴. «Кавказ не так далек, как Сибирь, куда отправляют за 10–12,000 вер[ст] переселенцев хуже скота. Ведь Кавказ рядом с вами, он у вас под руками, а вы ничего о нем не говорите и не хотите обратить на него внимание», – обращался правый крестьянин к депутатам⁴⁵. «На Кавказе у нас есть масса земель, – продолжал Тимошкин, – которые праздно сейчас гуляют, а вместе с тем у нас в России нет земель свободных, крестьяне нуждаются в земле. Желают переехать куда-нибудь на жительство, а им говорят, что нет на Кавказе земель. Я утверждаю, что на Кавказе есть очень много земель, совершенно праздно лежащих, их необходимо заселить именно лицами из центральной России»⁴⁶.

В свою очередь правый депутат С.И. Келеповский обращал внимание Думы на «громадные земельные пространства» в Центральной Азии, которые, по его мнению, совершенно нецелесообразно использовались киргизами. «Эти земли считаются занятыми, и поэтому наши переселенцы не направляются в этот край, весьма богатый и обладающий роскошным климатом, а направляются в северную Россию, где, например, переселенцы с юга России совершенно не могут выдержать климата. <...> Как я думаю, мы вовсе не покривим душой и не нарушим законов, если скажем этим киргизам: настало время уступить эту землю, которою вы временно пользовались, русскому народу»⁴⁷. Отметим, что такого же подхода в отношении «инородцев» придерживался и Н.Д. Облеухов, критиковавший власть за то, что долгое время она излишне «церемонилась» с туземными народами. Поскольку последние были завоеваны и присоединены к России, то они не вправе мешать «справедливому удовлетворению нужд русских переселенцев»⁴⁸. А уже упоминавшийся выше Тимошкин, недоумевал, почему Кавказ и Закавказье, значительная территория которых была в свое время отвоевана русским оружием, служит, прежде всего, экономическим интересам нерусского населения: «...Для чего же должны мы были воевать? Неужели для того, чтобы пролить кровь русского солдата и затем, чтобы уйти обратно, оставить земли и отдать их выходцам из Малой Азии, армянам и татарам и т. д.? Неужели для этого мы воюем и приобретаем земельные богатства? Если так на это смотреть, то мы не должны больше воевать никогда»⁴⁹.

Вторил ему и Н.Е. Марков, также считавший, что «в силу недостатков местной администрации» прекрасные земли Кавказа либо «совсем не заселяются русским населением, или заселяются элементами, враждебными русскому государству, элементами, пришлыми из Малой Азии и из Турции». «...Русские люди нужны на Кавказе, и это пусть знают господа кавказские туземцы, – заявлял с присущим ему пафосом правый политик. – Никого из кавказских жителей обижать не должно, они суть подданные русского царя, но не пускать русских людей, людей своего государства, народа-хозяина туда, где он свободно мог бы жить, этого Государственная дума не должна допускать, и пусть знают, это жители Кавказа, пусть они не становятся на опасный путь учинения препятствий шествию великого русского народа к занятию своих русских земель»⁵⁰. Такой подход к переселенческому делу нашел отражение и в программных документах правых. В постановлении IV Всероссийского съезда объединенного русского народа в Москве (1907), отмечалось: «Переселения должны содействовать мирному и промышленному закреплению за русским народом всех окраин, отнюдь не способствуя переходу коренных русских земель в руки инородцев или иностранцев»⁵¹.

Помимо «инородцев» и иностранцев, правым виделось, как минимум, еще одно серьезное препятствие на пути освоения русскими переселенцами сибирских просторов. Если подход правых к переселенческому делу отчасти можно свести к популярному в их среде лозунгу «Россия для русских», то реализации его на практике, полагали они, мешает «экономический сепаратизм» сибирского населения, вооружившихся лозунгом «Сибирь для сибиряков». Как утверждал член думской фракции правых епископ Митрофан (Краснопольский), ему не раз приходилось слышать от сибиряков эти слова, смысл которых заключался в том, что все богатства этого удаленного региона империи должны обслуживать только сибиряков-старожилов. «Отсюда замечаемое в некоторых местах недружелюбие или, вернее, неласковость к переселенцам», – заключал архиерей⁵².

Одобрив в целом переселенческую политику властей, представители консервативного лагеря указывали и на другие, по их мнению, оплошности, допускаемые правительством. СРН в своей программе по земельному вопросу требовал от правительства увеличения помощи русским переселенцам для проезда на новые места и для обустройства на них⁵³. Не веря в возможности и желание Государственной думы решить переселенческий вопрос «сообразно интересам коренного русского населения», правые в 1907 г. возлагали свои надежды на императора, предлагая ему для решения аграрного вопроса созвать «Освященный всесословный Земский Собор», собранный «только из православных и старообрядцев, без иноверцев и иноплеменников, и с крестьянами по одному от каждого уезда», полагая, что только такой состав смог бы «справедливо и безобидно устранить главную причину переживаемого нами земельного нестроения»⁵⁴. Как отмечал в одной из своих речей Тимошкин, «переселенческое дело у нас в России до сих пор было поставлено в высшей

степени плохо, и в настоящее время оно стоит, нельзя сказать, чтобы очень хорошо»⁵⁵.

Н.Е. Марков также считал, что деятельность Переселенческого управления «хотя и заметно растет, но растет несоответственно с той важностью, с той государственной важностью, которую это дело переселения должно для государства нашего представлять». В этой связи политик требовал расширения дела переселения «до размеров, по крайней мере, равных, если не превышающих прирост народонаселения Российской империи» и признанием Государственной думы этих мер «вопросом государственной важности и, а не вопросом мелкого ведомственного порядка», одним «из важнейших, крупнейших и надежнейших способов разрешения аграрного вопроса»⁵⁶. Товарищ председателя Русского собрания С.В. Воейков выступая от имени фракции правых за ликвидацию порто-франко во Владивостоке, полагал, что введение таможенных пошлин в этом регионе даст новый источник дохода для казны, который можно будет обратить на помощь переселению и переселенцам⁵⁷. Но порой из правых рядов звучала и резкая критика организации переселенческого дела. В 1908 г. правый депутат Государственной думы крестьянин от Волынской губернии Я.Г. Данилюк в своей думской речи фактически солидаризировался с оппозицией, заявив, что при существующих условиях «переселяться может тот, кто обладает денежными средствами». «Но как же нашему голодному и холодному крестьянину, у которого за душой ни копейки, как же ему переселяться? – вопрошал депутат-крестьянин. – Как же ему переселяться, срывать со своего родного гнезда? Чтобы по пути помереть голодной смертью?»⁵⁸.

Стремясь купировать подобные резкие суждения, епископ Митрофан (Краснопольский), признавая отдельные недостатки в переселенческом деле, призывал огульно не отрицать целесообразности работы, сделанной властью в области переселения. «Конечно, как во всяком деле, так и в деле переселения, в деле молодом и слишком сложном, возможны и существуют теневые стороны, и надо желать, чтобы этих теневых сторон было как можно меньше, чтобы все недочеты, по возможности, были устранены. Но всего нельзя сразу охватить и всего нельзя сразу сделать», – убеждал архиерей. И хотя, продолжал владыка, многие крестьяне опасаются того, что на новом месте им будет еще хуже – «смею уверить, не хуже будет, а лучше будет, и тем смелым, энергичным людям, которые не убоятся дальнего пути, и тем, которым они облегчат земельную тяготу до некоторой степени, оставивши свои участки». «Однако, – добавлял он, – не надо скрывать, что не молочные реки и кисельные берега ожидают переселенцев, но большею частью суровая природа, которую нужно сначала победить трудом упорным и настойчивым»⁵⁹.

Помимо поддержки правительственной политики, указаний на ее отдельные недостатки и разговоров о безальтернативности переселения избытка крестьянского населения из европейских губерний, правые и сами предлагали программы корректировки постановки переселенческого дела. В

1909 г. Монархический съезд русских людей в Москве принял целый ряд предложений видного правого деятеля протоиерея И.И. Восторгова, посчитав необходимым указать на них правительству. Суть этих предложений, расширенных делегатами съезда, вкратце сводилась к следующему: переселение крестьян должно пользоваться государственными льготами и субсидиями только в том случае, если это переселение происходит в стратегически и экономически важные для страны регионы (пустующие земли); пособия переселенцам, помимо денежных сумм, должны даваться льготами на пользование землей, лесом, рыбную ловлю, охоту и т. п.; взять под контроль вопрос, соответствуют ли новые земли, на которые едут переселенцы, прежнему месту их проживания (чтобы, например, житель степей не оказался в непривычной для себя лесной местности); командирование к переселенцам агрономов и создание специальных земледельческих школ; привлечение на дальневосточные земли не только крестьян, но и рабочих, чтобы эта сфера не оказалась полностью захваченной рабочими из Китая и Кореи; ограничить «сибирских инородцев» (бурят, алтайских калмыков, киргизов и др.) размером земельных наделов, не превышающих наделы русских переселенцев; создать систему чрезвычайных льгот для переселенцев, выбравших местом своего нового проживания Камчатку и Сахалин; воспретить продажу и раздачу окраинных земель иностранцам и евреям; учредить специальный переселенческий банк «на разумно-экономических началах»; усилить правительственную деятельность в развитии сети грунтовых и железных дорог в пределах важнейших переселенческих районов⁶⁰.

В предложении думской фракции правых, озвученном в 1909 г., содержалось еще одно требование к правительству, достойное внимания: принять меры к тому, чтобы при ликвидации переселенцами своих земельных наделов в европейской части России, ценность последних не падала ниже средней стоимости земли в данной местности, поскольку поспешные продажи крестьянами своих прежних наделов нередко приводили к тому, что их скупали у них за бесценок⁶¹. В.А. Грингмут предлагал содействовать добровольному переселению на окраины империи не только крестьян, но и дворян-помещиков, поскольку «правильное сельское хозяйство возможно лишь при зрело-обдуманной комбинации крупного и мелкого землевладения»⁶². Эта идея развивала основные тезисы, изложенные «Московскими ведомостями» в полемике 1894 г. с «Новым временем» (см. выше), однако в начале XX в. ее утопичность была очевидной.

Предпринимали правые и практические шаги, призванные помочь реализации массового переселения на окраины империи. Так, например, самый многочисленный отдел СРН – почтаевский, выступая в роли защитника малоземельного русского крестьянства, стал выдавать ссуды на покупку земли. В феврале 1911 г. был утвержден устав «Почтаево-Волынского народного кредита», основным капитал которого состоял из членских взносов и займов от Министерства финансов (50000 руб.), Главного Управления земледелия и землеустройства (50000 руб.) и Главного переселенческого

управления (10000 р.). Основным полем деятельности «Почаево-Волынского народного кредита» была выдача ссуд крестьянам на покупку земли, предоставленной в распоряжение почаевского отдела в Алтайском округе и Приморской области⁶³. Поддерживая эту деятельность монахов-почаевцев, епископ Митрофан (Краснопольский) отмечал: «Факт исторический, что обитатели наши всегда были лучшими колонизаторами <...>, что, обыкновенно, в старину население оседало около обителей и монастырей. <...> И надо <...> пожалеть, что наши монастыри забыли эту свою историческую задачу или, по крайней мере, проявляют ее слишком слабо... <...> Но и помимо согласия с историей, выступление Почаевской лавры в качестве колонизатора Сибири нужно приветствовать и с другой стороны, как проявление местной инициативы, направленной к устройству судьбы переселенцев»⁶⁴.

Обсуждение в консервативном лагере переселенческой политики продолжалось в том же духе вплоть до революции 1917 г. Первая мировая война актуализировала проблему, связанную с землевладением немецких колонистов (т.н. «немецкого засилья»), за счет которых правыми предлагалось если не решить, то хотя бы ослабить аграрный вопрос. На земли немецких колонистов предлагалось расселять русских крестьян, а самих колонистов либо выселять на историческую родину, либо переселять в отдаленные регионы России. Однако останавливаться подробно на этом сюжете нет необходимости, поскольку он достаточно подробно освещен в исследовательской литературе⁶⁵.

Подводя итог, необходимо сделать некоторые выводы, позволяющие охарактеризовать позицию русского консервативного лагеря в отношении правительственной переселенческой политики. Как для консервативной печати конца XIX в., так и для правых публицистов и политиков начала XX в., тема освоения, русификации и колонизации окраин империи была одной из важнейших. Всецело поддерживая правительство в стремлении ослабить остроту аграрного вопроса в европейской части империи путем переселения «излишков» крестьянского населения на ее окраины, консервативные круги указывали не только на экономические последствия этой меры, но и на важность переселенческого дела для русификации окраин, дальнейшего закрепления их за Россией и создания на них оплота для защиты от возможных иностранных посягательств. Для консервативной печати 1890-х гг. дискуссионным был вопрос о том, за кем должен сохраняться приоритет в колонизации и русификации окраин – за обществом или государством. В начале XX в. консервативные круги на общество уже не слишком уповали, возлагая свои надежды на императора, помощь которому в этом вопросе должен был бы оказывать собор из «истинно-русских людей». При этом правые видели и недостатки правительственной политики, указывая на то, что переселенческое дело ведется недостаточно широко, что без увеличения финансовых вложений со стороны государства оно не сможет быть достаточно эффективным; призывали власть к более активному развитию путей сообщения (железнодорожных, грунтовых, водных), видя в этом один из залогов успеха переселения; требовали широкой введения широкой

системы льгот для русских переселенцев. Обозначив Сибирь и Дальний Восток в качестве важных регионов для освоения русскими переселенцами, консервативные круги также обращали внимание власти и общества на земли Кавказа, Закавказья, Центральной Азии, считая, что успех русского переселения на эти территории будет способствовать ослаблению «инородческого» влияния и сепаратистских настроений. Русский национализм, являвшийся одним из центральных идеологических постулатов консервативного лагеря, проявлялся также в требованиях «поприжать» в случае необходимости коренные народы территорий, предназначенные для русских переселенцев и категорически не допускать переход свободных земель в руки евреев и иностранцев. Помимо участия в полемике о переселенческой политике властей, правые и сами в меру сил пытались участвовать в практической деятельности по ее усовершенствованию и развитию, однако имеющиеся у них возможности не позволили достичь заметных результатов.

---

¹ БЕЛИКОВ А.В. Переселенческая политика России после отмены крепостного права и «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 г. – Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007, № 1, с. 69–79.

² Виленский вестник. 24.05.1867.

³ Весть. 23.06.1867.

⁴ Тихонов Т.И. Письма о переселенцах Сибири. – Русский вестник. 1896, № 1, с. 316–351.

⁵ Там же, с. 348.

⁶ Там же, с. 350.

⁷ Там же, с. 316.

⁸ Московские ведомости. 15.07.1894.

⁹ ШАРАПОВ С.Ф. По Черноморскому побережью. – Русский вестник. 1895, № 10, с. 91–114.

¹⁰ Там же, с. 110–111.

¹¹ Там же, с. 112–113.

¹² Московские ведомости. 1.07.1894.

¹³ Московские ведомости. 24.07.1894.

¹⁴ Русский труд. 8.02.1897.

¹⁵ Русский труд. 15.02.1897.

¹⁶ Русский труд. 22.02.1897.

¹⁷ Русский труд. 8.11.1897.

¹⁸ Кремль. 1.03.1897.

¹⁹ ТИХОНОВ Т.И. Письма о переселенцах. Немцы-колонисты в Волыни и в Сибири. – Русский вестник. 1896, № 10, с. 316–322.

²⁰ Там же, с. 326.

²¹ ТИХОНОВ Т.И. Письма о переселенцах. Немцы-колонисты на Волыни и в Сибири. – Русский вестник. 1896, № 11, с. 380–392.

²² Там же, с. 387.

²³ Там же, с. 387–388.

²⁴ Там же, с. 389.

²⁵ ЯНЧЕНКО Д.Г., СЛОБОДЗЯН Г.М. Колонизация русского Дальнего Востока в правительственной политике в 1909–1911 гг. – Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. 2017, № 12, с. 93–106.

²⁶ РОМОВ Р.Б. Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912). Дис. ... канд. ист. наук. М. 2003, с. 225.

²⁷ КИРЬЯНОВ Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917. М. 2001, с. 142, 177, 326; СТЕПАНОВ С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. М. 2013, с. 224–225, 431; РЕПНИКОВ А.В. Консервативные модели российской государственности. М. 2014, с. 361; ОМЕЛЬЯНЧУК И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев. 2006, с. 347, 356–357.

-
- ²⁸ РОМОВ Р.Б. Ук. соч., с. 240.
- ²⁹ Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. В 2-х тт. / Сост. Ю.И. Кирьянов. М. 1998, т. 1, с. 129.
- ³⁰ ГРИНГМУТ В.А. Монархическая партия. – Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи, вып. 3, М. 1910, с. 178.
- ³¹ ГРИНГМУТ В.А. Русская монархическая партия // Там же, с. 278.
- ³² ГРИНГМУТ В.А. «Аграрный вопрос» // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи, вып. 4. М. 1910, с. 71.
- ³³ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. СПб. 1908, стб. 1306–1307.
- ³⁴ УХТУБУЖСКИЙ П. Русский народ в Азии. СПб. 1913, с. 3–9.
- ³⁵ Там же, с. 18–19.
- ³⁶ ГРИНГМУТ В.А. Русская монархическая партия. С. 278.
- ³⁷ УХТУБУЖСКИЙ П. Ук. соч., с. 11.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же, с. 62.
- ⁴⁰ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. СПб. 1908, стб. 1403.
- ⁴¹ Кремль. 11.10.1903.
- ⁴² ГРИНГМУТ В.А. Русская монархическая партия, с. 278.
- ⁴³ См.: ИВАНОВ А.А. Экономическая политика в Кавказском регионе в оценке русских консерваторов: конец XIX – начало XX веков. – Научный диалог. 2018, № 6, с. 124–142.
- ⁴⁴ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. СПб. 1907, стб. 484.
- ⁴⁵ Там же. СПб., 1908, стб. 1263–1264.
- ⁴⁶ Там же, стб. 128.
- ⁴⁷ Там же, стб. 1509.
- ⁴⁸ УХТУБУЖСКИЙ П. Ук. соч., с. 60–61.
- ⁴⁹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. СПб. 1908, стб. 1264.
- ⁵⁰ Там же, стб. 1307–1308.
- ⁵¹ Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы, т. 1, с. 322.
- ⁵² Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II. СПб. 1909, стб. 480.
- ⁵³ Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы, т. 1, с. 193.
- ⁵⁴ Там же, с. 321–322.
- ⁵⁵ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. СПб. 1908, стб. 1262.
- ⁵⁶ Там же, стб. 1306–1307.
- ⁵⁷ Там же, стб. 1763–1764.
- ⁵⁸ Там же, стб. 1250.
- ⁵⁹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II. СПб. 1909, стб. 477–478.
- ⁶⁰ Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы, т. 1, с. 490–494.
- ⁶¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II. СПб. 1909, стб. 484.
- ⁶² ГРИНГМУТ В.А. Русская монархическая партия, с. 278.
- ⁶³ СТЕПАНОВ С.А. Ук. соч., с. 431.
- ⁶⁴ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II. СПб. 1909, стб. 479–480.
- ⁶⁵ См., напр.: СОБОЛЕВ И.Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб. 2004.